

Свадебные платки марийцев: конструктивно-декоративные особенности и функции (по материалам коллекций Российского этнографического музея)

Александра Александровна Песецкая

(Российский этнографический музей:

Российская Федерация, 191186, г. Санкт-Петербург, ул. Инженерная, д. 4/1)

Аннотация. Статья посвящена свадебным марийским платкам, их конструктивно-декоративным свойствам и роли в обряде. Материалом для исследования послужили богатые коллекции Российского этнографического музея, на основании которых рассматриваются различные типы полотняных изделий, представленные на традиционной марийской свадьбе. Речь идет о свадебных покрывалах невесты, свадебных головных и поясных платках. Рассмотрение конструктивных и декоративных особенностей данных изделий, а также способов реализации в ходе свадебного обряда позволяет сделать выводы о разнообразии как локальных форм, так и способов их функционирования. В статье подробно разбираются поясные свадебные платки, их связь с головными уборами, анализируются функции свадебных полотняных изделий и соотношение с декоративными особенностями. Платки рассматриваются как в составе костюмов действующих лиц, выполняющими знаковые функции, так и в качестве инструмента обрядовых действий, в частности, в практиках дарения и обмена. Данное исследование, основанное преимущественно на предметах конца XIX — начала XX в., перспективно с точки зрения изучения современного состояния традиции. Как показывают полевые исследования, несмотря на внешнюю модификацию, платки по-прежнему играют важную роль на марийской свадьбе.

Ключевые слова: покрывало невесты, платки, свадьба, марийский костюм, марийцы.

Дата поступления статьи: 13 января 2020 г.

Дата публикации: 25 июня 2020 г.

Для цитирования: Песецкая А. А. Свадебные платки марийцев: конструктивно-декоративные особенности и функции (по материалам коллекций Российского этнографического музея) // Традиционная культура. 2020. Т. 21. № 2. С. 77–90.

DOI: <https://doi.org/10.26158/ТК.2020.21.2.007>

Одежда — многофункциональная категория материальной культуры, которая выполняет утилитарные и социальные функции, отражает половозрастной, групповой, локальный статус человека. Одежда является одним из наиболее выразительных артефактов традиционной культуры: она символична, нередко

становится элементом мифологических нарративов.

Обрядовая одежда отличается от будничной комплексом признаков: материалом, способом ношения, конструкцией, декором. Ее использование регламентировано в соответствии с локальной традицией. Как один из важных

структурообразующих элементов такая одежда характеризуется консервативностью, а отдельные семантически маркированные части костюма продолжают сохраняться в качестве символа групповой идентичности в современных условиях. К изучению обрядового марийского костюма неоднократно обращались отечественные и зарубежные исследователи (см., например: [Крюкова 1951; Гаген-Торн 1960; Сепеев 1975; Молотова 1992; Lehtinen 1999; Павлова 2008, 2016, 2018]). Они рассматривали одежду как в контексте историко-культурных процессов, так и в качестве формы коммуникации.

Свадебная одежда представляет большой интерес для исследования знаковых функций материальной культуры. В традиционном мировоззрении свадьба являлась ключевым событием жизни человека, маркирующим изменения половозрастного статуса его основных участников. Эти трансформации нашли отражение в предметном коде обряда и прежде всего в костюме. Свадебная одежда отличается от повседневной внешними особенностями и способом использования в ритуале, она выражает функции каждого участника обряда, его место в общественных отношениях и значимые изменения социального статуса. Динамика конструктивных и декоративных особенностей такой одежды является перспективным направлением исследований, поскольку позволяет выявить устойчивые, наиболее важные моменты марийского свадебного ритуала и проследить смысловые трансформации обряда.

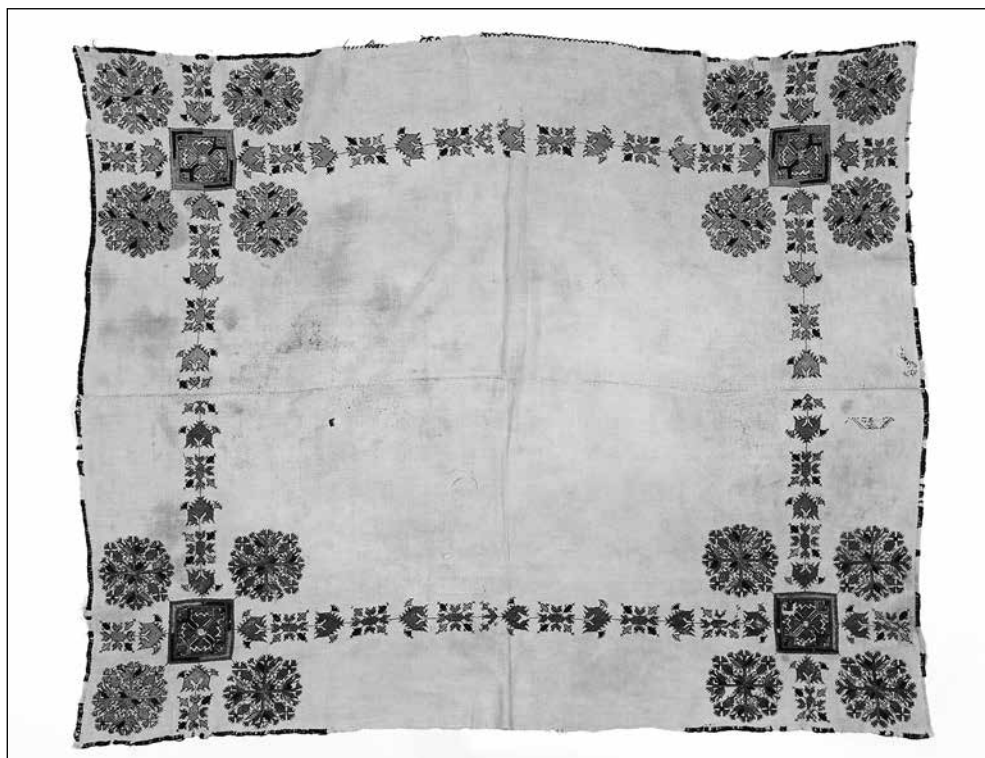
Российский этнографический музей (РЭМ) располагает обширной коллекцией марийского традиционного костюма (4500 ед. хр.), лишь малая часть которой введена в научный оборот. Категория свадебной одежды (214 ед. хр.) наиболее многочисленна и аттрактивна. Экспонаты датируются XIX — началом XXI в. и охватывают, таким образом, несколько столетий. Сбор коллекций марийской одежды осуществлялся известными исследователями, среди них И. К. Зеленов, П. П. Ефименко, И. Н. Смирнов, С. К. Кузнецов, С. И. Руденко, Т. А. Крюкова. В соответствии с разработанной сотрудниками РЭМ классификацией костюма свадебный марийский наряд можно сгруппировать в три крупных раздела: головные

уборы, одежда и украшения [Система научного описания 2017, 83–84]. Наиболее полно представлены экспонаты, относящиеся к категории головных уборов. Для народов Волго-Уральского региона женские головные уборы имели решающее значение в процессе самоидентификации, а также в обрядах жизненного цикла, маркируя изменения статуса женщины. Особую роль в свадебном обряде играли полотняные изделия, к которым относятся свадебное покрывало невесты *вўргенчык* и платки *солыки*.

Платок в традиционной культуре марийцев, особенно в обрядовой сфере, можно назвать самым многофункциональным предметом одежды. Его роль в ритуальных практиках максимально динамична по сравнению со сложноконструированными элементами костюма. Простота покроя дает возможность для практически неограниченной реализации сакрального контекста. Декоративные и конструктивные свойства платков разнообразны и локально обусловлены. Ниже будут подробно рассмотрены различные типы полотняных изделий марийцев и их функции в свадебном обряде.

Вўргенчык (*пёргенчѣк*, *кўкў*) — свадебное покрывало, которым закрывают лицо невесты вплоть до смены головного убора на женский [Молотова, Токсубаева 1990, 79]. Обряд закрывания лица невесты широко распространен на территории Восточной Европы. Он находит параллели в похоронном обряде (в обычае закрывать лицо покойника) и характеризует собой лиминальное состояние невесты, ее выключенность из общего свадебного действия [Павлова 2013, 380]. Само название *вўргенчык*, по всей видимости, заимствовано от чувашского *пёркѣнчек* и восходит к слову *пёркѣ* в значении *покрывать* [Петров 2016, 111]. На территории Поволжья свадебные покрывала известны у чувашей, мордвы, удмуртов [Багин 1897, 16].

В фондах РЭМ хранятся 28 покрывал марийской невесты. Они датируются XIX в. и представляют собой несколько сшитых между собой полотнищ, декорированных вышивкой. Представленные в музее покрывала широко бытовали на территории Уржумского, Чебоксарского, Царевококшайского, Яранского и Бирского уездов Вятской, Казанской и Уфимской губерний.

Илл. 1. Покрывало невесты. Деревня Чишма, Бирский уезд, Уфимская губ. РЭМ. № 2848-2

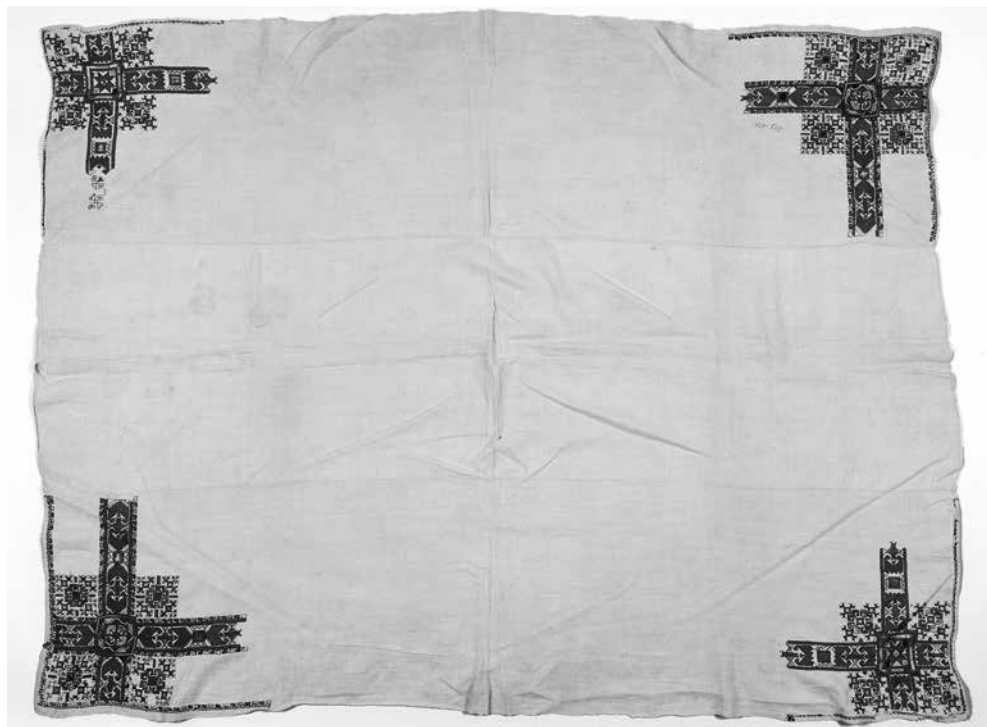
Fig. 1. Bridal veil. Chishma Village, Birk District, Ufa Province. Russian Museum of Ethnography. No. 2848-2

Конструктивно можно выделить покрывала двух форм: квадратные (9 шт.) и прямоугольные (19 шт.). Среди последних обращает на себя внимание комплекс предметов существенно более крупного размера (максимальная величина: 148 × 112 см), поступивших из Уржумского уезда Вятской губ. Внушительный размер достигался за счет использования нескольких отрезков холста (до трех). Свидетельства о покрывалах такого типа можно найти в этнографических описаниях уже с середины XIX в. А. Фукс пишет, что «старинные покрывала были большими и доставали до копыт лошади» [Фукс 1840, 64]; по всей видимости, они являются более архаичной формой. Похожий тип покрывала известен в качестве части женского головного убора у сарматов [Рикман 1986, 20], что говорит о его универсальности и преемственности. Свадебные марийские покрывала квадратной формы по размеру близки к платкам *солык*.

Еще одна специфическая черта *вўргенчыка* — необычный материал, который использовался для его изготовления. Крапивные волокна, которые лежат в его

основе, собирались «в глухих местах, где не было слышно пения петухов» [Крюкова 1949, 151]. Применение крапивного полотна характерно и для финно-угорских народов Сибири (ханты и манси), что свидетельствует о древности материала. В XIX — начале XX в. марийцы использовали для изготовления одежды конопляный, реже — льняной холст. Изготовление свадебных покрывал из крапивного волокна обусловлено ритуальным назначением предмета [АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1343. Л. 17].

Обращает на себя внимание лаконичность декоративной отделки покрывал. Как правило, они украшены исключительно вышивкой. Бахромой украшены только три экземпляра из Чебоксарского уезда, которые представляют собой платки, использующиеся в качестве покрывала. Старинные *вўргенчыки* бахромы не имеют. Вышивка свадебных покрывал располагается в виде розеток, размещенных по углам, которые соединены между собой по периметру орнаментальными полосами (илл. 1). Обычно розетки идентичны, лишь в пяти случаях они различаются по

Илл. 2. Покрывало невесты. Уржумский уезд, Вятская губ. РЭМ. № 1069-545

Fig. 2. Bridal veil. Urzhum District, Vyatka Province. Russian Museum of Ethnography. No. 1069-545

орнаменту и размеру¹. В то же время почти у всех экземпляров наблюдается цветовая асимметрия. У ряда экземпляров соединительные полосы вышивки могут присутствовать лишь частично, у некоторых вовсе отсутствуют (илл. 2). Такое расположение орнамента, с одной стороны, продиктовано конструкцией предмета, с другой — выражает «идею структурированного пространства и защищенности со всех сторон» [Большов 2008, 25]. Технологические приемы вышивки свидетельствуют о консервативности декора покрывал: орнамент выполнен двусторонним швом, который считается сложной старинной техникой [Яковлева 1951, 266].

Лаконичная орнаментация *вўргенчыка* на фоне других свадебных изделий может свидетельствовать о его лиминальной природе. Это предположение подтверждается

тем, что подобные покрывала использовались для покрытия жертвенной пищи, предназначенной для богов, на языческих молениях в роще [Большов 2008, 110]. Свадебное покрывало было результатом коллективного труда, поскольку его изготовлением невеста занималась совместно с другими девушками². Как элемент иного мира, покрывало не принадлежало конкретному лицу и несло в себе определенную опасность, отчего в свадебном обряде актуализировались запреты на снятие *вўргенчыка* голыми руками. Вместо этого использовались символические предметы: скалка или плетка [Гаген-Торн 2000, 75], в некоторых случаях — свадебный пирог [Троицкая 1893, 75].

Изначально покрывание невесты *вўргенчыком*, вероятно, носило практический смысл. Схожий обряд мы наблюдаем у других народов. Так, у алтайцев

¹ Орнамент розеток на чувашских *перкенчек*, чрезвычайно схожих с марийскими покрывалами невесты, напротив, чаще различен.

² Культурные предметы одежды в марийской культуре зачастую изготавливались «всем миром», как, например, происходило с рубахой марийского *карта* (жреца), которую шили все женщины деревни и которая наделяла носителя соответствующими полномочиями [АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1579].

Илл. 3. Платок невесты. Село Пертнурь, Козьмодемьянский уезд, Казанская губ. РЭМ. № 174-125

Fig. 3. Bridal shawl. Pertnury Village, Kozmodemyansk District, Kazan Province. Russian Museum of Ethnography. No. 174-125

двое дружек ехали по сторонам от лошади невесты, держа перед ней занавес до «самой новой юрты ее жениха, во все это время она не должна видеть ни дороги, ни новой юрты, прежде чем в нее войдет» [Вербицкий 1893, 81]. По всей видимости, закрывание лица невесты связано с существовавшим в прошлом и у алтайцев, и у марийцев браком в форме похищения. У народов Поволжья такая форма брака была широко распространена и в некоторых местностях продержалась вплоть до 1950-х гг. (Зап. от З. Митрофановой, 1950 г.р.) [ПМА 2018].

Уже в начале XX в. *вўргенчык* был редкостью в марийских деревнях. Вместо него стали использовать цветные фабричные платки. Изменилась и манера ношения: покрывало накидывали на голову, оставляя лицо открытым.

На плечи или голову невеста и поезжане надевали специальный свадебный платок *солык*. Он отличался от повседневного богатой орнаментацией и разнообразной декоративной отделкой. У свадебных платков не было задачи скрыть человеческую фигуру, как у покрывала *вўргенчык*.

Доминантной в данном случае была продуцирующая функция *солыка*. Об этом свидетельствует обилие вышивки и декоративных элементов (бахрома, имитация монет, бисер). Сохранились созданные в период с 1725 по 1760 г. акварельные рисунки свадебных марийских платков, входивших в костюм XVIII в. [Нарисованный музей 2003, 267]. Такие платки вышивка покрывает полностью, не оставляя незашитым холст. Очевидно, впоследствии она подверглась редукции, а некоторые мотивы были переосмыслены. Подобные вышивки сохранились на старинных свадебных вышитых подушках марийцев и чувашей (№ 278–69) [Никитин, Крюкова 1960, 126–127].

В фондах РЭМ хранятся 49 свадебных платков разных этнографических групп марийцев (горных, луговых, восточных). Им свойственна вариативность локализации в составе костюмного комплекса. Платки могли маркировать голову, плечи, крепиться на поясе спереди или сзади.

Исходя из конструктивных особенностей *солыков*, можно выделить платки треугольной, квадратной либо

прямоугольной форм (34%, 13%, 53% соответственно). Квадратные *солыки*, сшитые из двух полотнищ, в основной массе принадлежат группам пермских и уфимских мари́йцев [Сепеев 1975, 190]. Платок покрывал плечи невесты либо голову [Евсеев 2002, 142–143]. В обоих случаях максимально украшенный вышивкой угол спускался на спину. Треугольные варианты платков принадлежат восточным и горным мари́йцам (илл. 3). Вопрос локализации горномари́йских платков на теле до конца неясен в силу слабой аннотированности экспонатов. Они имеют сходство со свадебными платками чувашей-вирьялов, которые располагали подобные предметы как в верхней части тела, так и крепили на поясе [Никитин, Крюкова 1960, 34–35]. Материальная культура чувашей-вирьялов и горных мари́йцев очень близка, поэтому можно допустить, что локализация свадебных *солыков* была схожей. Аналогично горномари́йским такие предметы входят в состав костюма чувашской свахи *туй шобр* («кафтан для пира» № 1239–45), могли пришиваться сзади на поясе либо надеваться отдельно и носили название *сара* («хвост»). Мари́йские платки прямоугольной формы также принадлежат горным мари́йцам и практически идентичны *кёрү тутри* — платку жениха верховых чувашей, который накидывался на плечи [Там же, 120–122].

Все платки имеют общие закономерности в расположении вышивки: орнаментация идет по периметру полотна широкой полосой (в более поздних экземплярах — узкой). По углам расположены фигуры восьмиконечного креста, который в некоторых случаях (особенно ярко выражено это у восточных мари́йцев) имеет древовидные отростки [Яковлева 1951, 263] (илл. 4). Их количество вариативно, но, как правило, равно нечетному числу. Такую композицию можно считать универсальной для мари́йской одежды.

Большинство свадебных платков оформлены дополнительными декоративными элементами. Чаще всего используется бахрома из крученых шелковых нитей красного цвета. В случае отсутствия бахромы край орнаментировался декоративной тесьмой красного цвета либо полосой кумача. Два экспоната имеют украшение в виде кисточки

Илл. 4. Фрагмент свадебного платка. Деревня Верхний Пугалыш, Красноуфимский уезд, Пермская губ. РЭМ. № 2852-69

Fig. 4. Fragment of a wedding shawl. Verkhniy Pugalysh Village, Krasnoufimsk District, Perm Province. Russian Museum of Ethnography. No. 2852-69

(экспонат из д. Ронга) либо пяти кисточек (из д. Мари-Ошаево). Однако они больше напоминают повседневные платки. Такие предметы поступили в музей довольно поздно (1963 г.) и, вероятнее всего, являются примером перехода повседневных вещей в обрядовые — из-за дефицита последних. Помимо кисточек и бахромы в качестве декора использовались дополнительные элементы. Шелковыми лентами декорировались изделия горных мари́йцев, что было обусловлено доступностью этого материала в данном регионе. Горные мари́йцы также использовали бисер, в одном случае — каури, имитации монет. В экспонатах из Красноуфимской губернии встречается применение бисера в качестве декора бахромы. Однако в целом использование дополнительных элементов нетекстильного происхождения нельзя назвать массовым (всего 9 экспонатов из 38). Как отмечают исследователи, подобного рода нашивки, помимо декоративной,

нередко выполняли обережную функцию [Lehtinen 1994, 132–137].

Марийские *солыки* обнаруживают типологическое сходство с полотненчатыми головными уборами многих народов Поволжья, наиболее полно — с *сюлыками* удмуртов. Удмуртский *сюлык* надевали на невесту «...по приезде в дом жениха <...>. Бахрома, нашивки из лент и монет, низки бисера и бусы, прикрепленные к верхнему углу покрывала, закрывали лицо до рта» [Салмин 2017, 110]. Свадебный удмуртский *сюлык* был расшит аппликацией красного цвета, расположение которой схоже с локализацией вышивки на марийских платках. По предположениям исследователей расположение орнамента воплощает идею о «четырех мировых деревьях» [Молчанова 1994, 154]. Однако удмуртский *сюлык* закрывал лицо до рта и располагался на фигуре иным способом, нежели марийский. Очевидно, что у марийского *солыка* и удмуртского *сюлыка* существовала общая праформа.

Среди свадебных предметов с названием *солык* стоит особняком довольно многочисленная группа текстильных изделий, конструктивно непохожих на рассмотренные выше. Это узкие полотенца, концы которых декорированы разными способами. Данную часть женского костюма можно считать вариативной. Она, по справедливому замечанию Т. А. Крюковой, редко встречается в письменных источниках и литературе. Вероятно, это связано с амбивалентностью употребления данной части женского костюма. Прямоугольный *солык* в обрядовом контексте выступал в качестве поясного украшения. Невеста обязательно вышивала два таких платка, узоры которых должны были быть схожими, хотя и не аналогичными. Полученный во время сватовства *солык* жених вешал во время свадебного пира за пояс спереди и носил до окончания ритуала [АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 794. Л. 30б].

Обращение к визуальным источникам дает нам информацию иного рода. Фотографии Т. Евсевьева, сделанные в ходе

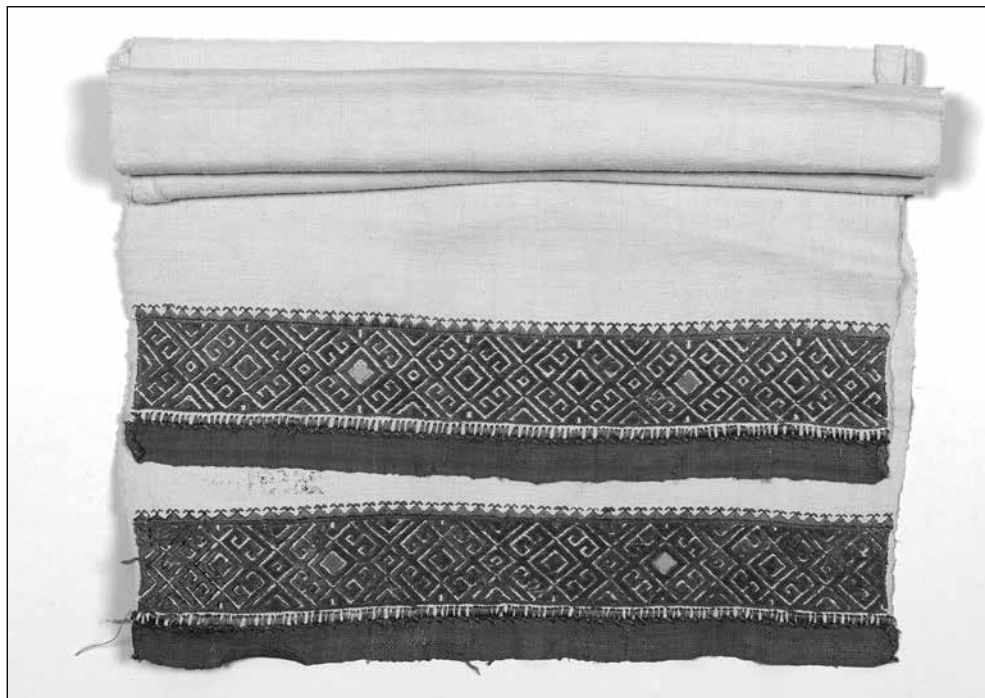
экспедиции в 1909 г. к моркинской группе марийцев, свидетельствуют о том, что подобного вида *солыки* носились женщинами и девушками на праздники в качестве головного убора. Для этого полотно складывали вдоль пополам и повязывали сверху на привычный комплекс головных уборов (*шарпан*, *нашмак* и украшения): «Замужние женщины носят на голове сперва шарпан <...>, затем *солык* с узорами по четырем углам» [Тимофей Евсевьев 2002, 127]. Похожие головные уборы известны и среди чувашей³, они же выступают в свадебном обряде в качестве «плясовых платков» *таи тутри* [Никитин, Крюкова 1960, 123]. Н. И. Гаген-Торн утверждает, что подобного рода головные полотенца широко бытовали на территории Восточной Европы, различия же заключались в манере ношения [Гаген-Торн 1960, 174].

Т. А. Крюкова, побывавшая в 1939 г. в Моркинском районе Марийской Республики, подчеркивает, что в данной местности марийцы могли использовать *солык* как в качестве свадебного подарка — поясного украшения, так и в качестве головного убора [АРЭМ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 73. Л. 20]. Т. Евсевьев отмечает, что *солык* такого типа в начале XX в. постепенно выходил из употребления, заменяясь покупным фабричным платком с сохранением манеры ношения [Тимофей Евсевьев 2002, 129]. Фотографии, снятые в 1925 г. Восточнофинской экспедицией музея народоведения, отражают процесс замены *солыка* на квадратный платок фабричного производства [МАЭ. № 1747–38]. Такая вариативность использования одного и того же предмета может свидетельствовать об исторической связи полотненчатых женских головных уборов и поясных подвесок. Схожая ornamentация *солыков* и головных полотенцев *шарпан* может говорить об их общем происхождении⁴.

В РЭМ хранится внушительная коллекция (70 шт.) свадебных поясных платков *солык*. Они имеют широкий территориальный охват: 67 % экспонатов поступили

³ РЭМ. № 913–6 — *сара*, или *пух тутри* [Гаген-Торн 1960, 175].

⁴ В начале XX в. *шарпан* у моркинских марийцев претерпел трансформации: повседневный стал коротким полотенцем *кумык шарпан* («короткий шарпан»), к которому в праздники прикреплялся длинный *шарпан поч* («хвост шарпана»). Фактически изначально единый головной убор разделился на две части (РЭМ. Кол. № 7194). Похожие изменения, судя по всему, привели к возникновению двух одинаковых по форме, но разных по локализации на теле *солыков*.

Илл. 5. Свадебный платок. Вятская губ. РЭМ. № 8762-26597

Fig. 5. Wedding shawl. Vyatka Province. Russian Museum of Ethnography. No. 8762-26597

из Уржумского уезда, 18 предметов — из Яранского уезда Вятской губ. Семь экспонатов относятся к Царевококшайскому уезду Казанской губ. Единичные экземпляры поступили из Сарапульского, Елабужского и Малмыжского уездов Вятской губ.

Сольки данного типа различны как по размерам, так и по технике исполнения и декору. Конструктивно они представляют собой полотенца, в ряде случаев сшитые из двух частей холста, украшенные орнаментом по краю. Различие техники орнамента, его расположение, размеры полотна зависят от этнолокальной традиции. Среди поясных подвесок явно выделяются два комплекса различного расположения и структуры орнамента: декор в виде поперечных полос и декор в виде крестообразных фигур. Иногда на предмете могут сочетаться орнаменты обоих типов. Четыре свадебных покрывала выделяются из общей массы, поскольку по декоративной стилистике схожи с покрывалами *вўргенчык*. Они бытовали в Малмыжском и Уржумском уездах Вятской губ. Происхождение таких *сольков* связано с головными уборами, что подтверждается разительным сходством

с полотенцем нижегородской мордвы [МАЭ. № 766–3], которое входило в состав женского головного убора.

По размеру, материалу и характеру декора специфичен комплекс свадебных *сольков* из Яранского уезда, где проживала группа луговых марийцев, которые носили головной убор *сорока*. В РЭМ имеется 13 полотенцев этой группы (илл. 5). Для них характерна большая ширина холста (30 см). По краю полотенца декорированы полосой вышивки с геометризованным орнаментом. Три экспоната имеют в декоре смешанные техники: сочетание ткачества и вышивки (счетные швы, перевить). Характерной чертой таких полотенцев является применение шелка при создании вышивки, в отличие от полотенцев других групп марийцев, которые использовали преимущественно шерсть, а шелк — в качестве дополнения. Стилистически вышивка яранских *сольков* близка вышивке головных платков, надеваемых сверху на *сороку*. Судя по размерам, декору и расположению на теле, они являлись предшественниками передника. Другая многочисленная группа (19 шт.) *сольков* по бытованию относится к сернурско-торъяльской группе луговых марийцев

и характеризуется своеобразным декором. Полотенца более узкие, украшены вышивкой в технике счетной глади, схожей с оформлением характерного для данной группы женского головного убора *шымаки*. Вышивка довольно широкая, расположена ярусами. Края, в отличие от предыдущей группы экспонатов, украшены подвесками в виде шерстяных, бисерных кисточек с имитациями монет на концах. Их количество варьируется в пределах 3–9 и всегда равно нечетному числу. Использование таких полотенец зафиксировано в фотоматериалах (илл. 6).

Предметы звенигово-моркинских мари́йцев представлены *солыками* двух типов. Первые украшены исключительно тканым узором либо в сочетании с равноценной по размерам вышивкой (илл. 7). Узор расположен ярусами. Такие *солыки* декорировались дополнительно шерстяными кисточками. Их число было фиксировано: по три на каждом конце. В основании кисточки перехватывались бисером белого цвета. Подобные подвески можно найти на поясных полотенцах других народов Поволжья (мордва, чуваш), они располагаются похожим способом. Второй тип *солыков* звенигово-моркинских мари́йцев является наиболее многочисленным (№ 36). Такие экземпляры украшены вышивкой в виде четырех крестообразных фигур: по две на каждом конце. Данные фигуры по локализации и форме схожи с орнаментом свадебных покрывал *вўргенчык*. Отличительным признаком платков является использование черной шерсти для создания контура рисунка и цветного шелка для его заполнения. Они также декорированы тремя шерстяными кисточками с бисером в основании. Два экспоната украшены подвесками с имитациями монет, один — с раковинами каури.

Способы применения свадебных платков в обряде были различными. Они использовались не только в составе костюмного комплекса, но и в качестве покрытия для других предметов. Так, горные мари́йцы стелили платок под ноги невесте по приезду свадебного поезда к жениху, предохраняя ее от соприкосновения с землей [Федянович 2005, 272]. В свадебном ритуале во взаимодействии с кольцом и деревянными предметами платок символизировал заключение союза [Мендиаров

Илл. 6. Женщина-язычица в праздничном костюме. Село Турек, Уржумский уезд, Вятская губ. РЭМ. № 1086-22

Fig. 6. A pagan woman in a festive costume. Turek Village, Urzhum District, Vyatka Province. Russian Museum of Ethnography. No. 1086-22

1894, 47]. Итак, платок не только маркировал участников свадьбы, но и выполнял символические и защитные функции. Кроме того, полотненчатые свадебные изделия становились объектом дарения. Как правило, их изготовлением занималась невеста. Мари́йский *солык*, наряду с рубахой, использовался в качестве дара невестой родственникам жениха, олицетворяя тем самым согласие на брак и установление родственной связи между семьями.

Использование поясных *солыков* в обрядовых практиках наиболее вариативно.

Прежде всего, платок становился предметом свадебного обмена. Невеста дарила его жениху в день сватовства, с ним он должен был приехать в день свадьбы. Свое же полотенце она отдавала свахе, которая крепила его спереди за пояс поверх передника, а после свадьбы возвращала невесте. С этим полотенцем молодуха ходила на праздники в течение года после замужества до рождения первенца [АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 794. Л. 3об]. *Сольками* нередко украшались свадебные женщины-поезжанки *суан ватэ* на свадьбе. В некоторых местах *сольк* могли преподнести в качестве подарка *саусу* (свадебному распорядителю) либо всем поезжанам.

Сольк в ряду обрядовых вещей занимает особое место, поскольку является

неотчуждаемым предметом. Его запрещено продавать или передавать кому-либо в дар. Такой платок хранят до самой смерти и после вешают на могильный шест. В случае несоблюдения этого правила «невеста на том свете не узнает своего мужа» [АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1406. Л. 19]. Утрата платка могла привести к смерти владельца [АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 794. Л. 3об]. По всей видимости, *сольк* является воплощением символической связи, установленной между родами, которая даже в загробном мире должна быть продолжена. Это значение сближает *сольк* с полотенчатым головным убором *шарпан*, схожим по форме и использовавшимся в комплекте с повязкой *нашмак* у звенигово-моркинских марийцев. *Шарпан* мог выступать в качестве инструмента для легитимного развода: его разрезали пополам, после чего супруги могли считаться свободными [АРЭМ. Оп. 1. Ф. 18. Д. 4. Л. 9]. В случае с *сольками* акт развода в принципе не предусмотрен, так как они и так между собой физически не связаны. Однако они связаны семантикой узора. Участие платков в системе дарения говорит в пользу того, что они могли символизировать определенного человека. Вероятно, этим объясняется и устойчивость традиции: полевые материалы фиксируют бытование подобного рода вещей, хотя и в стилизованном варианте (Зап. от Р.И. Торгаевой, 1937 г.р.) [ПМА 2018].

Таким образом, платки играли важную роль в свадебной марийской обрядности. Они имели локальные особенности, обусловленные влиянием соседних народов, географическим положением, исторической преемственностью. Сравнение конструктивно-декоративных особенностей платков указывает на сходство с изделиями других народов Поволжья и возможность рассмотрения их в региональном контексте. Платки разнообразны по форме (прямоугольные, квадратные, треугольные) и локализации в рамках костюмного комплекса. Внешние признаки, по которым они различаются, как правило, связаны с наличием дополнительных декоративных элементов. Способы декорирования свадебных платков обусловлены формой изделия, ее историческим развитием, а также мифологическими представлениями марийцев. Сходство орнаментации головных и поясных платков

Илл. 7. Свадебный платок. РЭМ. № 8762-26588

Fig. 7. Wedding shawl. Russian Museum of Ethnography. No. 8762-26588

свидетельствует об общности происхождения данных элементов костюма.

Чаще всего полотенчатые предметы в составе свадебного костюма выполняли функцию маркера социальной роли. Располагаясь на поясе либо плечах, голове, они обозначали главных действующих лиц: невесту, жениха, свах, распорядителя свадьбы. Такие предметы являлись знаком и должны были быть видны другим участникам. Вероятно, поэтому они красочно декорировались, украшались дополнительными элементами: бисером, бахромой, раковинами каури, имитациями монет и яркой вышивкой. Их количество было регламентировано традицией (нечетность). В ходе обряда подобные элементы зачастую выполняли также защитные функции. Свадебное покрывало *вўргенчык*, предназначенное для невесты, напротив, было лишено дополнительного декора и украшалось лаконичной вышивкой по углам, что объяснялось его задачей: скрыть фигуру невесты, а также скрыть от нее окружающее пространство. В то же время покрывало выступало знаком ее лиминальности, особой обрядовой роли, отличия от других свадебных

персонажей. Вероятно, этим обусловлена и частая асимметрия в расположении, форме либо цветовом решении вышивки, которая становится символом неупорядоченности, неструктурированности.

Платки участвовали в процессе свадебного обмена, являясь наиболее распространенным подарком невесты для родственников жениха и символизируя согласие на брак и объединение родов. *Сольк* у группы звенигово-моркинских марийцев, как и у чувашей, становился впоследствии частью комплексного головного убора. В качестве поясного украшения он функционировал в свадебном контексте. Даже после утраты традиции ношения полотенца в качестве части головного убора они бытуют как ритуальный объект в наши дни, хотя их декоративное оформление изменилось в соответствии с тенденциями моды. Это свидетельствует об устойчивости, универсальности и смысловой насыщенности такой формы одежды. Несомненно, что дальнейшие трансформации конструкции, декора платков и их роли в свадебном обряде являются перспективным направлением для исследований.

Источники и материалы

АРЭМ — Архив Российского этнографического музея

МАЭ — Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН.

ПМА 2018 — Полевые материалы автора: д. Шоруньжа, Моркинский р-н, Марийская Республика, 2018 г.

Багин 1897 — *Багин С. А.* Свадебные обряды и обычаи вотяков Казанского уезда: (Этнографический очерк). М.: Типо-литография К. Ф. Александра, 1897.

Вербицкий 1893 — *Вербицкий В. И.* Алтайские инородцы. М.: Т-во скоропечатни А. А. Левенсон, 1893.

Крюкова 1949 — *Крюкова Т. А.* Коллекция П. С. Палласа по народам Поволжья // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XII. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 139–159.

Крюкова 1951 — *Крюкова Т. А.* Марийская вышивка. Л.: Гос. музей этнографии народов СССР, 1951.

Мендиаров 1894 — *Мендиаров Г.* О черемисах Уфимской губернии // Этнографическое обозрение. 1894. № 3. С. 34–53.

Нарисованный музей 2003 — «Нарисованный музей» Петербургской Академии наук: 1725–1760. СПб.: Европейский Дом, 2003.

Рикман 1985 — *Рикман Э. А.* Одежда народов Восточной Европы в раннем железном веке. Скифы, сарматы и гето-даки (сер. I тысячелетия до н. э. — сер. I тысячелетия н. э.) // Древняя одежда народов Восточной Европы: Матер. к историко-этнографическому атласу. М.: Наука, 1985. С. 7–29.

Система научного описания 2017 — Система научного описания музейного предмета: классификация, методика, терминология: Справочник: В 2 кн. Кн. I. Общая методика атрибуции этнографического памятника. Классификаторы. Понятийные словари. СПб.: Нестор-История, 2017.

Тимофей Евсевьев 2002 — Тимофей Евсевьев: этнографические коллекции. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 2002.

Троицкая 1893 — *Троицкая Н.* Черемисы Арбанской волости // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. 1893. Т. XI. Вып. 1–6. С. 65–82.

Фукс 1840 — *Фукс А.* Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань: Имп. Казан. ун-т, 1840.

Исследования

Большов, Большова, Данилов 2008 — *Большов С. В., Большова Н. А., Данилов О. В.* Древ-

ние культовые памятники Марий Эл. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2008.

Гаген-Торн 1960 — *Гаген-Торн Н.И.* Женская одежда народов Поволжья. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1960.

Гаген-Торн 2000 — *Гаген-Торн Н.И.* Обрядовые полотенца у народностей Поволжья // Этнографическое обозрение. 2000. № 6. С. 103–117.

Молотова 1990 — *Молотова Т.Л., Токсубаева Л.С.* Функциональные особенности свадебной одежды марийцев // Семейная обрядность народов Среднего Поволжья: историко-этнографические очерки. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1990. С. 74–82.

Молотова 1992 — *Молотова Т.Л.* Марийский народный костюм. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1992.

Молчанова 1994 — *Молчанова Л.А.* «Сюлык» — священный символ удмуртских языческих обрядов // Узловые проблемы современного финно-угроведения. Йошкар-Ола: Науч. центр финно-угроведения, 1994. С. 153–156.

Никитин, Крюкова 1960 — *Никитин Г.А., Крюкова Т.А.* Чувашское народное изобразительное искусство. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1960.

Павлова 2008 — *Павлова А.Н.* Семантика украшений древнемарийского костюма. Йошкар-Ола: Марийский гос. техн. ун-т, 2008.

Павлова 2013 — *Павлова А.Н.* Платок в традиционной культуре народа мари // Мода и дизайн: исторический опыт — новые технологии: Матер. XVI Междунар. науч. конф. СПб.: ФГБОУВПО «СПГУТД», 2013. С. 379–382.

Павлова 2016 — *Павлова А.Н.* Костюм в системе традиционной культуры народа мари // Финно-угорский мир. 2016. № 2. С. 97–100.

Павлова 2018 — *Павлова А.Н.* Шаманские элементы в марийском костюме // Финно-угорский мир. 2018. Т. 10. № 4. С. 98–104.

Петров 2016 — *Петров И.Г.* Покрывало невесты в свадебной обрядности чувашей: функции и семантика // Известия Уфим. науч. центра РАН. 2016. № 4. С. 110–114.

Салмин 2017 — *Салмин А.К.* Свадебные платки во времени и пространстве // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017. Т. 11. № 3. С. 106–118.

Сенеев 1975 — *Сенеев Г.А.* Восточные марийцы. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1975.

Федянович 2005 — *Федянович Т.П.* Отчет об индивидуальном полевом выезде в МАССР 4–24 июля 1988 г. // Полевые исследования Института этнологии и антропологии. М.: ИЭ, 2005. С. 261–278.

Яковлева 1951 — *Яковлева В.Я.* О марийской вышивке // Ученые записки МарНИИЯЛИ. Вып. 4. Йошкар-Ола: Маргосиздат, 1951. С. 245–270.

Lehtinen 1994 — *Lehtinen I.* Tscheremissischer Schmuck. Ethnographische Untersuchung. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen seura, 1994.

Lehtinen 1999 — *Lehtinen I.* Marien mekot: Volgansuomalaiten kansanpukujen muutoksista Helsinki: Suomalais-Ugrilainen seura, 1999.

© А. А. Песецкая, 2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Песецкая А. А. <https://orcid.org/0000-0003-1490-2032>

Научный сотрудник Российского этнографического музея: Российская Федерация, 191186, г. Санкт-Петербург, ул. Инженерная, д. 4/1; тел.: +7 (812) 570-58-08; e-mail: sanny341@yandex.ru

Mari Wedding Scarves: Function, Design and Decorative Features (Based on the Material from the Russian Museum of Ethnography)

Alexandra A. Pesetskaya

(Russian Museum of Ethnography: 4/1, Inzhenernaya str.,
St. Petersburg, 191186, Russian Federation)

Summary. This article is devoted to Mari wedding scarves, their constructive and decorative properties and ceremonial role. The rich collections of the Russian Museum of Ethnography include various types of towel products from a traditional Mari wedding and serve as the material for this research. Consideration of the design and decorative features of the bride's wedding veils, wedding headscarves and waist scarves, as well as of their use during the wedding ceremony,

allow us to draw conclusions about the diversity of both local forms and the ways they function. The article examines the connection between headdresses and wedding shawls, analyzes their functions as well as the relationship to their decorative features. Headscarves are considered both as part of the costumes of actors performing symbolic functions and as a tool of ceremonial action, in particular, in practices of giving and exchange. This research, based mainly on artefacts of the late 19th — early 20th century, is promising from the point of view of studying the current state of tradition. Field research shows that despite external modification scarves still play an important role in Mari weddings.

Key words: bride veil, scarves, wedding, wedding dress, Mari.

Received: January 13, 2020.

Date of publication: June 25, 2020.

For citation: Pesetskaya A. A. Mari Wedding Scarves: Function, Design and Decorative Features (Based on the Material from the Russian Museum of Ethnography). *Traditional Culture*. 2020. Vol. 21. No. 2. Pp. 77–90. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2020.21.2.007>

References

- Bolshov S. V., Bolshova N. A., Danilov O. V.** (2008) Drevnie kul'tovye pamyatniki Marii El [Ancient Cult Monuments of the Mari El Republic]. Yoshkar-Ola: Mariiskii gos. un-t. In Russian.
- Fedyanovich T. P.** (2005) Otchet ob individualnom polevom vyezde v MASSR 4–24 iyulya 1988 g. [Report on an Individual Field Trip to MASSR 4–24 July 1988]. In: Polevye issledovaniya instituta etnologii i antropologii [Field Studies of the Institute of Ethnology and Anthropology]. Moscow: IE. Pp. 261–278. In Russian.
- Gagen-Torn N. I.** (1960) Zhenskaya odezhda narodov Povolzh'ya [Women's Clothing of the Volga Region]. Cheboksary: Chuvashskoe gos. izd-vo. In Russian.
- Gagen-Torn N. I.** (2000) Obryadovye polotentsa u narodnosti Povolzh'ya [Ritual Towels from the Peoples of the Volga Region]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 2000. No. 6. Pp. 103–117. In Russian.
- Lehtinen I.** (1994) Tscheremissischer Schmuck. Ethnographische Untersuchung [Cheremiss Jewelry. An Ethnographic Investigation]. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen seura. In German.
- Lehtinen I.** (1999) Marien mekot: Volganuomalaisten kansanpukujen muutoksista [Mari Dress: Changes in the Folk Costumes of Volga Finns]. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen seura. In Finnish.
- Molchanova L. A.** (1994) "Syulyk" — svyashchenniy simvol udmurtskikh yazycheskikh obryadov ["Suluk": A Sacred Symbol of Udmurt Pagan Rituals]. In: Uzlovye problemy sovremennogo finno-ugrovedeniya [The Key Problems of Contemporary Finno-Ugric Studies]. Yoshkar-Ola: Nauch. tsentr finno-ugrovedeniya. Pp. 153–156. In Russian.
- Molotova T. L.** (1992) Mariiskii narodnyi kostyum [Mari Folk Costume]. Yoshkar-Ola: Mariiskoe kn. izd-vo. In Russian.
- Molotova T. L., Toksubaeva L. S.** (1990) Funktsional'nye osobennosti svadebnoi odezhdy mariitsev [Functional Features of Mari Wedding Clothing]. In: Semeynaya obryadnost' narodov Srednego Povolzh'ya: istoriko-etnograficheskie ocherki [Family Rituals of the Middle Volga Peoples: Historical and Ethnographic Essays]. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta. Pp. 74–82. In Russian.
- Nikitin G. A., Kryukova T. A.** (1960) Chuvashskoe narodnoe izobrazitel'noe iskusstvo [Chuvash Folk Visual Arts]. Cheboksary: Chuvash. gos. izd-vo. In Russian.
- Pavlova A. N.** (2008) Semantika ukrashenii drevnemariiskogo kostyuma [The Semantics of Jewelry in Ancient Mari Clothing]. Yoshkar-Ola: Mariiskii gos. tekhnicheskii un-t. In Russian.
- Pavlova A. N.** (2013) Platok v traditsionnoi kul'ture naroda mari [The Scarf in the Traditional Culture of the Mari People]. In: Moda i dizayn: istoricheskii opyt — novye tekhnologii [Fashion and Design: Historical Experience — New Technologies]. Proc. of the XVI Int. Sci. Conf. St. Petersburg: FGBOUPO "SPGUTD". Pp. 379–382. In Russian.
- Pavlova A. N.** (2016) Kostyum v sisteme traditsionnoi kul'tury naroda mari [Costume in the System of Traditional Culture of the Mari People]. *Finno-ugorskiy mir* [Finno-Ugric World]. 2016. No. 2. Pp. 97–100. In Russian.
- Pavlova A. N.** (2018) Shamanskiiye elementy v mariiskom kostyume [Shamanic Elements in Mari Clothing]. *Finno-ugorskiy mir* [The Finno-Ugric World]. 2018. No. 4. Pp. 98–104. In Russian.
- Petrov I. G.** (2016) Pokryvalo nevesty v svadebnoi obryadnosti chuvash: funktsii i semantika [The Bride's Veil in the Wedding Rites of the Chuvash: Function and Semantics]. *Izvestiya Ufimskogo nauchnogo tsentra RAN* [Proceedings of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. 2016. No. 4. Pp. 110–114. In Russian.
- Salmin A. K.** (2017) Svadebnye platki vo vremeni i prostranstve [Wedding Scarves in Time and Space]. *Ezhгодnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2017. No. 3. Pp. 106–118. In Russian.
- Sepeev G. A.** (1975) Vostochnyye mariitsy [The Eastern Mari]. Yoshkar-Ola: Mariiskoe kn. izd-vo. In Russian.

Yakovleva V. Ya. (1951) O mariiskoi vyshivke [About Mari Embroidery]. In: Uchenye zapiski MarNIIYaLI [Scientific Notes of the Mari Research Institute of Language, Literature and History]. Vol. 4. Yoshkar-Ola: Margosizdat. Pp. 245–270. In Russian.

© A. A. Pesetskaya, 2020

ABOUT THE AUTHOR

Alexandra A. Pesetskaya <https://orcid.org/0000-0003-1490-2032>

E-mail: sanny341@yandex.ru

Tel.: +7 (812) 570-58-08

4/1, Inzhenernaya str., St. Petersburg, 191186, Russian Federation

Researcher, Russian Museum of Ethnography

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)